

Содержание

На вашем месте. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	5
Веселящий газ. <i>Перевод А. Круглова</i>	141
Летняя блажь. <i>Перевод И. Митрофановой</i>	391

На вашем месте

Сквозь широкие окна гостиной, расположенной в Ленгли-энд, вустерширской резиденции пятого графа Дройтвичского, можно было увидеть немало достойных зрелищ. За гравиевой дорожкой, окаймленной рододендронами, лежала бархатная лужайка, над которой веками трудились прилежные садовники. За нею было озеро в бахrome деревьев, а дальше — холм, поросший лесом. Те, кому довелось попасть в гостиную, нередко вставали у окна, чтобы пропитаться красотой.

К числу их не принадлежал лакей по имени Чарльз. Пейзаж ему приелся. Кроме того, он говорил по телефону. Звонок раздался как раз тогда, когда он принес чайные принадлежности.

— Слушаю, — сказал Чарльз. — Да, Ленгли, 330. Кто говорит?

Дворецкий по имени Слингсби вошел в эту минуту и с неодобрением на него взглянул. Как все дворецкие, он полагал, что разговор по телефону требует мастерства, недоступного лакеям.

— Ал-ло! — зывал Чарльз. — Алло-алло-алло!

Лунообразный лик мажордома совсем затуманился.

— Исполняете охотничью песню? — осведомился он.

— Да это из Лондона, мистер Слингсби, — честно отвечал Чарльз. — Просят его милость.

— Кто?

— Не расслышал, мистер Слингсби. Линия барахлит. Дворецкий приник к телефону большим ухом и сурово спросил:

— Простите, в чем дело? Не слышу. Приложите трубку к губам. Так, так. А, «Дейли Экспресс»!

— И чего им надо?! — вмешался Чарльз.

Слингсби не был демократом и одним мановением большого пальца поставил наглеца на место.

— Нет, — сказал он далекому собеседнику, — я не лорд Дройтвич, я дворецкий его милости... его милость в гараже... нет, нельзя. На частные вопросы отвечать не уполномочен. Если это правда, его милость сообщит во все газеты...

До сих пор манера его была поистине безупречна; но вдруг, обратившись в человека, он крикнул:

— Эй! Не вешайте трубку! Кто выиграл в 2.30?

Ответа услышать он не смог, ибо с газона, через французское окно, вошла леди Лидия Бессинджер, тетка его хозяина. Изысканный наряд свидетельствовал о том, что она вернулась с местной выставки цветов и декоративных растений.

— В чем дело, Слингсби?

— Из «Дейли Экспресс», миледи. Хотели проверить разнесшийся по столице слух о помолвке его милости.

— Что-о? Дайте мне трубку.

Она схватила трубку, но первыми ее словами были «А, Фредди!», обращенные к элегантнейшему существу, которое тоже вошло из сада и направилось к газетному столику.

— Кто это? — спросило оно.

— «Дейли»... Алло! Да-да. Что-о? — Леди Лидия удивленно и гневно обернулась к племяннику. — Это сумасшедший. Говорит мне «Красотка»!

Слингсби попытался взять у нее трубку, бормоча «помехи на станции, миледи», но она ее не отдала.

— Ничего не понимаю! — восклицала она. — Красотка пришла первой, Томат — вторым, Янки — третьим. А, вон что! Вы на кого ставили?

— На Салата, миледи.

— Очень глупо.

— Без сомнения, миледи.

— Какой кретин вам подсказал?

— Мастер Фредерик, миледи.

Достопочтенный Фредерик Чок-Маршалл поднял взор от газеты.

— Вы уж простите, Слингсби! Бывает...

— Так вам и надо, — сказала леди Лидия. — Кто слушает идиотов?

Слингсби вздохнул, поклонился и вышел, один на один с горем. Леди Лидия вернулась к телефону.

— Алло! Вы еще там? Простите, отвлеклась. Говорит леди Лидия Бессинджер, тетя лорда Дройтвича. А? Что? Нет, не думаю. Он бы непременно мне сказал. Десять лет, со смерти родителей, мы с мужем заменяя... Алло, алло! Куда вы делись? Что ж, занимательный разговор.

Она повесила трубку и опустилась в кресло.

— Господи! — выговорила она. — Сейчас растаю.

Фредди выглянул в сад, сверкающий на июльском солнце.

— Да, жарковато, — признал он. — Как выставка?

— Что там может быть? Мы получили приз за кальцеолярии.

— Ура, ура, ура, — заметил Фредди. — А что это?

— Такой цветок. Ну... кальцеолярия.

— Ага, ага! Ясно. Что-то быстро вы вернулись.

— Дядя сказал, что падает в обморок. Нет, вон идет...

Действительно, в комнату вошел человек лет пятидесяти с лошадиным, но красным лицом. Облик его заслужил одобрение Фредди:

— Вот это да! Одно слово — денди!

Леди Лидия восторга не выразила.

— Иди, иди, симулянт, — сказала она.

— Я не симулянт, — возразил сэр Герберт, — у меня в глазах потемнело. А у кого не потемнеет? Жилет, цилиндр, цветы эти пахнут... Да я чуть не умер! Нет, ты мне объясни, почему я каждый год...

— Наша семья, — объяснила леди Лидия, — должна быть представлена на выставке.

— Какая семья? Нет, какая семья? Глава рода — Тони. Что я, лорд Дройтвич? Жаришься, жаришься, а он лежит в гамаке...

— В гараже, — поправил Фредди, — под машиной.

Леди Лидия серьезно кивнула.

— Ну вот, — сказала она, — ясно, что это чушь. Если бы они обручились, он был бы с нею.

— Она принимает ванну, — сообщил Фредди.

— Обручились? — удивился сэр Герберт. — Кто? С кем? Зачем?

— «Дейли Экспресс» считает, что Тони обручился с Вайолет.

— Э?

— Прости, дядя Герберт, — сказал Фредди. — Это я виноват.

— А?

— Понимаешь, Кубик поссорился с отцом, намекнул, что тот... э-э... лысеет. Старик его выгнал. Пришлось идти в газету. А я хотел ему помочь и послал телеграмму насчет Тони.

— Бывают же кретины, — сказала леди Лидия. — Тони не собирается жениться.

— Собирается, собирается.

— Он тебе говорил?

— Нет. Он целовался с Вайолет среди роз.

— Где? Среди роз? Вот я и говорю, — кретин. Все там целуются, это ничего не значит.

— Ты так думаешь? — всполошился сэр Герберт.

— При чем тут я? Молодые люди.

Фредди поднял руку:

— Это не все. У Тони был такой взгляд...

— Пылкий?

— Скорее растерянный. Как будто он подписывает контракт, но толком его не прочитал.

Сэр Герберт попытался и задумался.

— Наверное, ты прав, — сказал он наконец. — Значит, женится на этих супах. Да, неплохой выстрел!

Леди Лидия не разделяла его восторгов.

— Не хотела бы тебя огорчать, — начала она, — но целоваться в саду... Чепуха какая!

— Позволь заметить, — возразил сэр Герберт, — что и я был молод. Позволь заме...

— Доспорите позже, — предложил им племянник. — Идет старый Суп.

— О, а! — заметил сэр Герберт, полируя цилиндр. Дверь открылась, и вошел коренастый человек, который выглядел так, словно природа обрекла его носить бакенбарды, но он ее преодолел.

— Привет! — учтиво воскликнул он. — Слыхали, э?

Леди Лидия вздрогнула.

— Не хотите ли вы сказать...

— Хочу, хочу. Дройтвич и моя Вайолет...

— Будете теперь мне верить? — осведомился Фредди.

— Замечательно! — сказал сэр Герберт. — Великолепно!

— Какой приятный сюрприз, — сказала леди Лидия.

— Сюрприз? — удивился новоприбывший. — Ну что вы! А кто недавно...

— Да, да, мистер Уоддингтон, — перебила его леди Лидия. — Поговорим немного позже. Вот — Вайолет.

Вайолет была высокой, гибкой и несокрушимой, как картинка из модного журнала. По-видимому, пошла она в мать, ибо Суп красотой не отличался, равно как и изысканной томностью.

— Душенька! — взвыла леди Лидия. — Ваш отец нам все сказал.

— Да-а?

— Я так рада!

— Спаси-ибо...

— Поздравляю.

— Спасибо, сэр Ге-ерберт...

— Здорово!

— Спасибо, Фре-едди... Значит, — невеста подавила зевок, — вы все довольны.

— Надо сообщить Кубику, — решил младший брат.

Он сел и стал составлять телеграмму, тогда как леди Лидия, хлопоча вокруг невесты, пыталась поднять общий дух.

— Я так этого ждала, так надеялась!

— Хороший парень твой Тони, — прибавил Уоддингтон.

— Исключительная личность, — поддержал его сэр Герберт. — Однако пойду переоденусь.

— Иди, иди, — согласилась леди Лидия. — Портвейна сегодня не получишь.

— Скажите, леди Лидия, — спросила невеста, — как удержать мужчин от портвейна?

— Вайолет! — воскликнул шокированный отец.

— Кого-кого, — сказала леди, — а вас это не должно беспокоить. Тони слишком за собой следит.

— Да, — согласилась Вайолет, снова подавляя зевок, — он такой здоро-овый, просто атлет...

В дверях, словно облачная гряда, заколыхался Слингсби.

— Вы звонили, миледи?

— Это я звонил, — сказал Фредерик. — Машина в гараже?

— Да, сэр.

— Пускай Роберт отвезет на почту телеграмму. А где он?

— На кухне, сэр.

— Что ж, пойду и я на кухню, — сообщил молодой аристократ, стремясь скорее внести свет и сладость в жизнь бедного Кубика.

Слингсби повернулся к хозяйке:

— Простите, миледи...

— Да, Слингсби?

— Я насчет сестры, миледи...

— А, она сегодня приедет!

— Вот именно, миледи. — Дворецкий стал еще печальней. — С вашего разрешения, миледи, она привезет сына и одну молодую особу, которая служит маникюршей в его заведении.

— Что ж, чем больше народу, тем веселее.

— Спасибо, миледи. Не разрешите ли вы показать молодой особе наш парк? Она не имела возможности, миледи, побывать в исторических местах.

— Пускай смотрит.

— Благодарю вас, миледи.

Дворецкий удалился, напоминая посла, вручившего протокол, или что они там вручают.

— У него есть сестра? — спросила Вайолет. — Это не та няня, о которой мне Тони рассказывал?

— Да, это няня. Она была замужем за парикмахером. Они жили в Лондоне. Вот и жили бы! — с неожиданным пылом прибавила леди Лидия.

— Вам она не нравится?

— Терпеть ее не могу.

— Почему?

— Плохой характер, — мрачно ответила леди, — и пьет много. Что ж, последую Герберту, переоденусь во что-нибудь человеческое. Вы начинайте пить чай без меня.

— С удовольствием, леди Лидия. Папа, тебе налить?

Какое-то время отец и дочь молчали. Она хлопотала у столика, он стоял у окна, не без угрюмости глядя на озеро

и лужайку. Однако, судя по его первой фразе, огорчил его не пейзаж.

— М-да, — сказал он, — докатились...

— В чем дело? — спросила дочь.

— Быть может, я старомоден, — продолжал отец, разгораясь по ходу речи, — быть может, я сентиментален, но мне казалось, что невесты хоть немного радуются.

Вайолет вздохнула.

— А зачем?

— Затем.

— Хорошо, — сказала невеста, — договоримся сразу. Оба мы знаем, что это — обычная сделка. Я даю деньги, Тони — титул. Ты меня привез, чтобы я подцепила лорда. Я его подцепила. Чему тут радоваться?

— Ти-ш-ш! — завокнулся отец. — У стен есть уши.

— Ну и что? Леди Лидия старалась на славу. Прогулки при луне...

— Прекрати! — заорал Уоддингтон.

Вайолет положила в чай кусок сахара и принялась его размешивать.

— Знаешь, — сказала она, — мне даже неудобно, как будто я подстрелила сидящую птицу.

— Сколько тебе говорить!..

— Ну ладно, папочка. Когда Тони предложил мне руку, я просто обомлела! Я поверить не могла, что он ко мне так относится! А благородство, а чистота? Истинный агнец! На что мне эти титулы? Ах, ах! Одно жалко, слишком легкая добыча.

Старый Суп сдержался. Он знал, что дочь не переиграешь.

— Какая есть, — сказал он. — Позвоню-ка я в газеты.

— Если можно, не здесь.

— Э?

— Не хочу слышать, как ты булькаешь. Позвони из кабачка.